

Признания Андре Моруа

В одном из последних номеров журнала «Ревю де Пари» опубликована статья Андре Моруа. Это ответ на просьбу одного французского издателя, обращенную к ряду писателей, рассказать о своей жизни, творчестве, литературном стиле «столь же беспристрастно, как это сделал бы друг».

Андре Моруа — современный писатель старшего поколения; он начал свою литературную деятельность более полувека назад. Перу Моруа принадлежит ряд психологических романов, новелл, популярных исторических очерков, публицистических трудов. Однако имя себе он составил как автор беллетризованных жизнеописаний выдающихся людей. В этих романах-биографиях, часть которых, появившаяся в русском переводе, известна и советскому читателю, второстепенное поставлено над главным: личная жизнь героя, его субъективные переживания заслоняют от нас его место в истории, взаимоотношения с обществом.

Как же оценивает 74-летний Моруа свою роль в литературной и общественной жизни Франции?

В этой «исповеди» трудно доискаться до главного: какие идеи вдохновляли писателя, в чем видит он смысл своего служения обществу?

Одной из движущих сил всей своей жизни Моруа считает «любь к действию». О том, как проявлялось это ценное качество в биографии писателя, известного своей пассивностью в сфере общественной жизни, видно из самих слов Моруа:

«Я жаждал эффективных действий, — пишет он, — это связано с наследственностью, с ходом моей жизни. Я вырос в среде промышленников, для которых их ремесло, их обязанности были всем... В течение десяти лет я управлял заводом, управлял со страстью, а затем уже, к концу своей жизни, старался обработать участок земли, сильно истощенный».

Не будем упрекать писателя ни за его прошлую предпринимательскую деятельность, ни за нынешнее увлечение агротехникой; ведь еще Вольтер сказал: надо возделывать свой сад. Главное для писателя — литература. Какие же идеалы отстаивает Моруа, кто его любимые герои?

Выясняется, что любимыми его героями, из тех, чьи образы воспроизводил он в своих книгах, являются не пламенные борцы за свободу Байрон и Шелли, не истинные гуманисты Тургенев и Жорж Санд, а такие «люди действия», как Лиотэ и Дизраэли. Особенно последний. Кто же такой Лиотэ? Личный друг Моруа, генеральный резидент французского Марокко, прославившийся кровавым «умиротворением» туземных племен. Имя Дизраэли, одного из вдохновителей британского империализма, говорит само за себя.

«...Я был счастлив найти в лице Дизраэли героя себе по душе, — пишет Моруа. — Близкий мне по происхождению, он близок мне также сочетанием романтического начала и скептицизма, консерватизма и реформизма».

Каковы литературные и общественные вкусы Моруа? «Пруст, — признается он, — был моим самым любимым романистом нашего века». Ему посвящена одна из работ Моруа. Несомненно, что Моруа во многом сродни Прусту. Надо, однако, признать, что, несмотря на всю свою субъективную ограниченность, Пруст сумел подняться в критике нравов буржуазного общества значительно выше, чем его ученик.

Чрезвычайно показательны взгляды Моруа на самый процесс творчества. Он категорически отвергает сознательное, организуемое начало в художественном творчестве и щеголяет тем, что толчком к написанию его произведений явились якобы то случайно услышанная фраза, то неожиданное письмо, то мимолетная ассоциация...

«Словно молекула, описывающая в газообразной среде под воздействием толчков непредвиденную траекторию, писатель, переходя от эмоции к эмоции, от внушения к внушению, чувствует себя обязанным выполнить именно ту работу, которая захватывает его больше всего».

«В понимании многих, — пишет он далее, — мораль — трансцендентна и доходит до человека в форме «приказов», исходящих от высшей силы, голос которой часто совпадает с голосом собственной совести... Подчиняться тому, что чувствуешь в себе наилучшим, а не какому-либо интересу или мнению — вот что завещано нам Сократом и Платоном. Именно так я старался (не всегда с успехом) жить сам и указывать, в свою очередь, другим».

Моруа не добавляет, что такая в высшей степени «удобная» для буржуазного художника мораль позволяет ему чувствовать себя относительно свободным от требований общества, в котором он живет, стоять в стороне от того, что волнует народ, частью которого обязан ощущать себя каждый подлинный писатель.

И в самом деле, как в жизни, так и в творчестве, Моруа далек от больших проблем современности, равнодушен к борьбе французского народа за мир и демократию. Нельзя же воспринимать всерьез мысли, высказываемые им в одной из последних работ — «Образ Франции и французов» (1955). В этой книге автор призывает к сплочению всех здоровых сил французской нации в борьбе... за повышение уровня производства — капиталистического, разумеется. Характерен призыв Моруа к рабочим: «Меньше рассуждайте, больше работайте. Вы говорите: нужно, чтобы это изменилось, и вы правы. Но прежде нужно, чтобы изменились вы сами!»

Это, так сказать, публицистика. В своем художественном творчестве Моруа, однако, так и не подошел к теме современности. Сделать это в художественном произведе-

нии, где, как известно, нарушение правды жестоко мстит за себя автору, конечно, куда труднее. В своей статье Моруа пишет, что хотел бы написать «серию романов, рисующих наше время», однако чувствует себя «невооруженным для столь большой битвы».

Судя по ряду высказываний в статье, для Моруа весьма важен суд потомства. Он опасается причинить трудности «критической таможене», представ перед ней с такой обильной и противоречивой литературной кладью, тогда как, по его мнению, «путешествие к потомкам следует совершить с небольшим багажом». Опасение несущественное — дело не в количестве. Изучая произведения классиков русской литературы, которых, по его словам, он чрезвычайно высоко ценит, Моруа мог бы заметить, что потомки с благодарностью приняли их обильное и многообразное наследие именно потому, что художественное его совершенство неразрывно сочеталось с высокими гражданскими идеями служения народу. А как раз последнего недостает литературному багажу Моруа. Оставаясь верным сыном своего класса, он застыл в своих предрассудках и предубеждениях.